

О принципах глагольной колексификации

© 2025

Екатерина Владимировна Рахилина

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва, Россия;
rakhilina@gmail.com

Дарья Александровна Рыжова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия; daria.ryzhova@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена поиску базовых принципов глагольных колексификаций на типологическом уровне. Мы понимаем под колексификацией неслучайное объединение двух и более значений в рамках одного лексического средства и утверждаем, что эти объединения, опираясь от языка к языку, должны подчиняться тем или иным закономерностям. Опираясь на наш обширный опыт лексико-типологических исследований и наши новые полевые данные о семантике простых и сложных глаголов в шугнанском языке, мы показываем, что колексификация глагольных значений становится возможной за счет их частичного денотативного пересечения и хорошо описывается в терминах фазовой структуры ситуации. В качестве иллюстрации мы рассматриваем структуру поля исчезать в шугнанском языке, где значение ‘исчезать’ оказывается смежным, т. е. колексифицируется, со значениями из зоны движения от говорящего / наблюдателя (*tidow* ‘идти, течь’, *sitow* ‘идти’, *zibidow* ‘прыгать’ и др.), процессов разрушения и уничтожения (*θidow* ‘гореть, сгорать’, *virix̄itow* ‘ломаться’ и др.), изменений топологических параметров ситуации (*gāx̄itow* ‘переворачиваться’, *xangi / xāmb d̄edow* ‘скрываться из виду’, букв. ‘ложбина / извилина’ + легкий глагол ‘падать’ и др.) и фрустративных эмоций (*ayf̄sitow* ‘пропадать даром’, букв. ‘жаль’ + легкий глагол ‘идти’). Мы показываем, какие значения выделяются внутри зоны исчезновения и как они денотативно соотносятся со смежными полями направленного перемещения, уничтожения, топологических изменений и фрустративных эмоций.

Ключевые слова: иранские языки, колексификация, лексика, лексическая типология, метонимия, памирские языки, семантика, шугнанский язык

Благодарности: Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 24-18-00879 «Принципы формирования полисемии и колексификации: границы возможного».

Для цитирования: Рахилина Е. В., Рыжова Д. А. О принципах глагольной колексификации. *Вопросы языкознания*, 2025, 2: 7–25.

DOI: 10.31857/0373-658X.2025.2.7-25

The principles of verbal colexification

Ekaterina V. Rakhilina

HSE University, Moscow, Russia; Vinogradov Russian Language Institute,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; rakhilina@gmail.com

Daria A. Ryzhova

HSE University, Moscow, Russia; daria.ryzhova@mail.ru

Abstract: The paper is devoted to the basic principles of verbal colexification defined at the cross-linguistic level. We understand colexification as a non-random association of two or more meanings within one and the same lexical item. We argue that these associations, reproducing in different languages, should

follow certain principles and form clear patterns. Drawing on our extensive experience of lexical typological research and our new field data on the semantics of simple and complex verbs in Shughni, we show that verbal meanings colexify due to their partial denotative intersection, hence this process can be described in terms of the phase structure of the situation. As an illustration, we consider the structure of the semantic field of disappearance in Shughni, where the concept ‘disappear’ turns out to be adjacent to motion from the speaker / observer (*tidow* ‘to go, to flow’, *sitow* ‘to go’, *zibidow* ‘to jump’, etc.), processes of destruction (*θidow* ‘to burn’, *virixtow* ‘to break’, etc.), topological changes (*gāxtow* ‘to turn’, *xangi / xāmb dēdow* ‘disappear from sight’, lit. ‘a hollow / bend’ + a light verb ‘to fall’, etc.), and frustrating emotions (*ay / sitow* ‘go to waste’, lit. ‘alas’ + a light verb ‘to go’). We show what meanings constitute the domain of disappearance and how they relate denotatively to the adjacent concepts of directed motion, destruction, topological changes, and frustrating emotions.

Keywords: colexification, Iranian, lexical typology, lexicon, metonymy, Pamir area, semantics, Shughni

Acknowledgements: The research was supported by the Russian Science Foundation, grant No. 24-18-00879 “Principles of polysemy and colexification: the boundaries of what is possible”.

For citation: Rakhilina E. V., Ryzhova D. A. The principles of verbal colexification. *Voprosy Jazykoznanija*, 2025, 2: 7–25.

DOI: 10.31857/0373-658X.2025.2.7-25

1. Введение

Статья посвящена поиску базовых типологически релевантных принципов лексического совмещения (или пересечения) разных семантических полей. В этой работе мы сосредоточимся только на глагольном материале. Речь пойдет о случаях, когда одна и та же лексема представляет, например, поле ВСТРЕТИТЬ и поле НАЙТИ (ср. нганасанский глагол *ηατα*- ‘найти, встретить’ [Гусев 2018]), поле ТОЛКАТЬ и поле КЛАСТЬ / ЗАСОВЫВАТЬ (ср. русск. *пихать*) и под. В принципе, такого рода отсутствие однозначного соответствия между внеязыковыми ситуациями и лексическими единицами может описываться как полисемия. Однако это термин, так сказать, внутриязыковой — он применим в отношении конкретной единицы конкретного языка и напрямую связан с возможностями сдвига ее значения под действием языковых механизмов — прежде всего метафоры и метонимии. В практической плоскости этот вопрос решается лексикографами, цель которых — как можно детальнее противопоставить группы употреблений конкретной вокабулы (см., например, [Апресян Ю. 2008] о принципах разграничения и описания значений в Активном словаре русского языка, [Зализняк 2004] о различных способах представления полисемии, а также [Fillmore, Atkins 1992] об одном из таких подходов на английском материале). Для этой цели лексикографы пользуются термином «значение», который, как и «полисемия», оказывается релевантен именно для внутриязыковых исследований.

Между тем если стремиться описывать это явление типологически, то нужен другой уровень абстракции и другая терминология. Лексические типологи имеют дело не с одной вокабулой и набором ее словарных значений, а с множеством семантически близких вокабул-коррелятов разных языков, семантика которых лексикографами может быть структурирована по-разному. Им нужен некоторый набор своего рода базовых семантических этгов, называющих семантические поля, претендующий на статус универсального, на основе которого можно будет сопоставлять данные разных языков и делать разного рода обобщения (ср. термин «concept», который используется в типологически ориентированной лексической базе данных CLICS³ [Rzymski et al. 2020]). Заметим, что принципиальное различие между внутриязыковым и типологическим подходом осознается не всегда, и ввиду слабой координации работ внутри лексической типологии терминологическая база пока в этой области развита слабо. Однако типологически явление, которое мы здесь обсуждаем, может описываться только «с позиций» concepts (в русской терминологии точнее говорить в этом случае о базовых категориях), и соответствующая лингвистическая задача в этих

терминах формулируется так: какие базовые категории могут в принципе кодироваться в языках одной лексической единицей, то есть колексифицироваться (термин А. Франсуа [François 2008]). Технически проблема колексификации может быть решена за счет больших данных — и в этом направлении работает уже несколько значимых лингвистических команд. Они создают базы данных, систематизирующие имеющиеся лексикографические материалы разных языков, ср. CLICS³ [Rzymiski et al. 2020], DatSemShift [Zalizniak et al. 2012; Zalizniak 2018], Базу данных колексификаций базовых категорий (Cross-Linguistic Database of Polysemous Basic Vocabularies [Liang et al. 2024]). Параллельно идет типологическая работа по теоретическому описанию того, что можно было бы назвать «базовыми категориями» или, более традиционно, семантическими полями (в терминологии, унаследованной от [Trier 1931]), ср. поле температурных значений [Kortjevskaja-Tamm 2015], запаха [Levinson, Majid 2014], потребления пищи [Newman 2009], разделения объектов на части [Majid, Bowerman 2007], позиции [Newman 2002; Viberg 2013], различных видов перемещения [Майсак, Рахилина 2007; Malt et al. 2008; Круглякова 2010; Рахилина и др. (ред.) 2020] и мн. др. В рамках таких типологических проектов проводится сбор и классификация колексификаций и дислексификаций внутри таких «простых» семантических доменов (в другой терминологии — полей) на материале по возможности представительных выборок языков.

Понятно, что и сбор данных в лексические базы, и описание отдельных семантических доменов на сегодняшний день находятся скорее в своей начальной точке: как самостоятельное направление лексическая типология только начинает набирать силу и вес в лингвистическом сообществе [Majid 2015; Kortjevskaja-Tamm et al. 2016]. Тем не менее в настоящей работе мы хотели бы совместить эти подходы, с тем чтобы обосновать гипотезу о **принципах** колексификации, и начнем с **глагольной** лексики. Для этого мы воспользуемся тем материалом, который мы накопили в рамках исследований Московской лексико-типологической группы (MLexT), описывая отдельные семантические поля, уже достаточным для широких обобщений, а также привлечем к анализу данные самой представительной базы — CLICS³ [Rzymiski et al. 2020] — в качестве еще более широкого типологического фона.

Гипотезы MLexT, касающиеся принципов колексификации, мы рассмотрим в разделе 2, а затем перейдем к их иллюстрации на конкретном языковом материале, а именно на материале типологического анализа поля исчезать. В разделе 3 мы кратко представим результаты П. О. Альбицкого, исследовавшего зону исчезать в восьми языках и составившего типологическую анкету [Альбицкий 2022; Альбицкий, Рахилина (в печати); Альбицкий, Казкенова (в печати)]. В разделе 4 мы поделимся собственными полевыми данными по шугнанскому языку, как выяснилось, чрезвычайно богатому в отношении предикатов исчезновения. В разделе 5 мы покажем, что систематизация этих данных — в свете того, что нам, лексическим типологам, уже известно о колексификации, — способна пролить свет на связи этого поля с другими, смежными ему, и на природу их возникновения, а также применим эти гипотезы о принципах колексификации для поля исчезать к данным CLICS³. В заключительном разделе 6 мы подведем итоги.

2. MLexT о глагольной колексификации

Московская лексико-типологическая группа (MLexT) начала работу над типологизацией лексики более 20 лет назад, с опорой на опыт грамматической типологии [Bybee, Dahl 1989; van der Auwera, Plungian 1998; Haspelmath 2003] и Московской семантической (лексикографической) школы [Апресян Ю. 1974]. В рамках MLexT описаны самые разные семантические поля, включая признаковые [Rakhilina et al. 2022a] и предметные [Демкина, Жукова 2016]. В ходе этих исследований мы не раз сталкивались с проблемой

интерпретации нестандартных колексификаций и задавались вопросом об общих принципах, по которым в языках вообще происходит совмещение значений. Особый интерес представляет колексификация глагольных категорий — ввиду известной сложности глагольной семантики и, как показывают данные, разнообразия глагольных колексификаций. Поэтому наши исследования в начале 2000-х гг. начались именно с глагольных полей, таких как ПЛАВАНИЕ [Майсак, Рахилина 2007], КАЧАНИЕ [Шапиро 2015], ВРАЩЕНИЕ [Круглякова 2010], ПАДЕНИЕ [Рахилина и др. (ред.) 2020; Ryzhova et al. 2024], глаголы звуков животных [Резникова и др. (ред.) 2015; Rakhilina et al. 2017] и мн. др. Каждое из полей представлялось как набор простых ситуаций-фреймов, задающих типичные сценарии для естественных разновидностей плавания, падения, вращения и под. Обычно такие фреймы различались по типу участников ситуации и их набору. Для участника важен таксономический тип (ср. плавание человека vs. плавание предмета) и так называемый топологический, отражающий его форму, конфигурацию и ориентацию в пространстве (ср. забор качается vs. занавеска качается). Кроме того, разным ситуациям свойственны разные наборы участников (также разных типов и со своей ролью в ситуации), ср. вращение самого объекта вокруг своей оси (например, колеса) и вращение вокруг ориентира (лодки вокруг острова).

На этом материале, с привлечением, как правило, от 8 до 40 и более языков в зависимости от масштаба исследования, мы на словарных, корпусных и полевых данных изучали и колексификации, и дислексификации, то есть то, какие фреймы-ситуации могут совмещаться в некотором языке в одной лексеме (колексификация), а какие фреймы или группы фреймов требуют особой лексемы (дислексификация). Конечно, об абсолютных запретах мы не можем говорить ввиду ограниченности выборки по сравнению со всем многообразием языков мира, но достаточно обширный опыт таких описаний позволяет делать некоторые обобщения. В частности, видно, что в языках распространены так называемые «доминантные» системы, в которых все (или практически все) фреймы поля покрываются одной лексемой: так организовано поле плавания в немецком или славянских, прежде всего болгарском [Ганенков 2007]. Это означает, что ограничения на тип участников не всегда критичны: так, в языках легко (хотя далеко не всегда) объединяются (колексифицируются) ситуации движения людей, животных и предметов. Такое совмещение возможно внутри семантического поля, когда общая ситуация остается той же (например, движение в воде), но меняется тип участника ситуации и некоторые сопутствующие ему частные обстоятельство (ср. активное плавание спортсмена vs. пассивное плавание листьев на воде). Такой — мы называем его аргументным — принцип колексификации (и дислексификации) на базе аргументной метонимии мы уже обсуждали во многих наших работах, посвященных, в частности, глаголам движения в воде [Майсак, Рахилина 2007], глаголам звуков животных [Резникова и др. (ред.) 2015], признаковой лексике [Rakhilina et al. 2022a]. Безусловно, аргументная колексификация нуждается в дополнительных исследованиях на материале много большего числа полей и языков. Но в этой работе мы хотели бы обратить внимание на существование принципов совсем другого рода.

Заметим, что переход от предметных субъектов / объектов к непередметным при сохранении той же лексемы давно и подробно описан как метафорический сдвиг [Lakoff, Johnson 1980; Croft 2009; Kövecses 2010], ср. метафоризацию за счет мены субъекта в упал чайник — упало давление, тульс, рождаемость и проч. и объекта в бросил камень — бросил писательство, бросил курить и др. Безусловно, метафора является хорошим примером типологического принципа колексификации, лексически совмещающей конкретные ситуации физического мира и их проекции в абстрактные области знаний, эмоций, человеческих отношений и под. Поскольку метафорические сдвиги и их лингвистическая природа в теоретическом и типологическом плане описывались достаточно давно (начиная с [Lakoff, Johnson 1980]), в настоящей работе мы оставим колексификацию за счет метафоризации в стороне и ограничимся обсуждением колексификаций для конкретных физических ситуаций.

Здесь важны «запретительные тенденции»: их заметить труднее всего, однако именно они дают ключ к пониманию принципов колексификации фреймов **внутри** поля. Хорошим

примером здесь является поле падения, для которого мы выделяли четыре основных ситуации-фрейма (с последующим более дробным подразделением) [Рахилина и др. (ред.) 2020]: падение с высоты (например, чашки со стола), потеря вертикальной ориентации (так падает, например, дерево или поскользнувшийся человек), разрушение (обваливающегося по частям дома) и открепление (отрывающейся пуговицы или колеса от машины). Все они могут колексифицироваться в разных языках в разных комбинациях, однако не все потенциально возможные комбинаторные варианты реально засвидетельствованы. В частности, ни в одном из языков выборки (а их было порядка 50) не встретилось такой комбинации, при которой были бы колексифицированы потеря вертикальной ориентации, разрушение и открепление, а падение с высоты маркировалось бы другой лексемой. Мы полагаем, что и при дальнейшем расширении выборки появление таких систем маловероятно, потому что именно падение с высоты задает центральный фрейм поля, имеющий нечто общее с каждым из трех остальных. Так, разрушение предполагает несколько фаз: падение с высоты отдельных частей целого объекта — и в результате контакт с нижней поверхностью и предельную деформацию объекта; потеря вертикальной ориентации, хотя и не обязательно сопровождается отрывом нижней части предмета от земли, в финальной фазе тем не менее совпадает с каноническим падением (объект лежит на земле). Точно так же открепившийся объект «похож» на падающий с высоты тем, что в начальной фазе, перед собственно падением, оба неподвижны за счет того, что находятся в контакте (более или менее плотном) с некоторым ориентиром. Потеря контакта в обоих случаях приводит к тому, что объект начинает перемещаться, как правило, в воздухе сверху вниз, но для открепления такое движение уже не обязательно (ср. *колесо отвалилось*). Итак, каждый из фреймов денотативно пересекается с центральным, причем за счет разных свойств последнего, которые напрямую отражают сам ход процесса падения: сначала объект тесно связан с ориентиром пространственно (как при откреплении), потом он движется вниз (как части при обрушении), затем оказывается в контакте с нижней поверхностью, часто деформированным (как при потере вертикальной ориентации). Без центрального фрейма падения с высоты они между собой не пересекаются (и не колексифицируются), потому что ситуации потери вертикальной ориентации, разрушения и открепления не имеют, как мы видели, никакого единого общего фрагмента. Таким образом, вывод, к которому мы пришли, исследуя колексификацию внутри глагольных полей, и который мы здесь проиллюстрировали на примере падения, состоит в том, что колексификация фреймов опирается на существенное пересечение их фазовых структур.

Следующий шаг в исследовании колексификации, который нам удалось сделать, касался связей **между** полями. Такие связи открываются исследователю прежде всего при рассмотрении так называемых денотативно «недоспецифицированных» предикатов. Такие предикаты профилируют цель некоторого события физического мира, но не специфицируют способ ее достижения, то есть не фиксируют обязательную последовательность фаз, которые должны быть пройдены для достижения результата, как это бывает в обычном случае. Например, для **резать** обязательно, чтобы субъект взял в руку режущий инструмент (такой как нож), привел его в контакт с поверхностью объекта (такого как, например, хлеб), произвел некоторый набор манипуляций этим инструментом (двигал, надавливая) — и в результате объект разделился на две части. Достичь такой цели в ходе ситуации, которую называют **резать**, нельзя, не имея режущего инструмента, не приведя его в контакт с объектом и не проведя последовательность определенных манипуляций. В случае недоспецифицированных предикатов такой строгой и ясной последовательности фаз нет: цель может достигаться осуществлением самых разных физических действий, для которых в языке уже есть предикаты-названия, и именно они заполняют такого рода семантически пустое поле. Примером может служить недоспецифицированный предикат **искать** [Рыжова и др. (ред.) 2018; Рахилина и др. 2023]. Действительно, искать можно глазами (человека в толпе), или в темноте наощупь, или переворачивая содержимое сумки, или обходя и осматривая дом и проч. В этом смысле **искать** можно считать недоспецифицированным. Поэтому

источниками для заполнения этого поля в языках (причем как историческими источниками для соответствующих предикатов, ср. сербск. *тражити* от южнослав. **trag/ traga* ‘след’ [Толстая 2013], так и синхронными «заместителями» или синонимами недоспецифицированных предикатов) могут быть глаголы и из поля СМОТРЕТЬ (ср. англ. *look for*), и из поля НАЩУПЫВАТЬ (ср. русск. *шарить*, англ. *grope*), и из поля КОПАТЬ (ср. русск. *рыться*), и идти (ср. сербск. *тражити* ‘искать’ от ‘идти по следу’). При построении визуализаций, то есть семантических карт, отражающих связи между значениями [Haspelmath 2003; Georgakopoulos, Polis 2018], такие поля необходимым образом оказываются соседними с ИСКАТЬ, а соответствующие им значения мы признаем **смежными** тем, которые соответствуют идее поиска. Материалом для масштабного изучения колексификаций, затрагивающих несколько полей, в рамках MLexT уже послужило несколько недоспецифицированных предикатов — помимо ИСКАТЬ, это прежде всего ПРЯТАТЬ [Резникова 2022]. Итогом этой работы является наблюдение о том, что значения из смежных полей (как и в случае колексификаций внутри конкретного семантического поля) должны иметь существенные денотативные пересечения.

В то же время наши исследования показывают, что смежность релевантна не только для недоспецифицированных семантических зон, этот эффект гораздо шире: у многих денотативно определенных полей есть такого же рода соседи, так что соответствующие лексеммы полноценно функционируют в обоих полях (или служат этимологическими источниками для полей-соседей). Даже поле падения легко обнаруживает такого рода случаи: с ним смежны поля прыгания, летания, вращения, контакта и др.¹ Принцип, по которому в этом случае происходит колексификация, здесь тот же, что и в только что разобранных случаях: это их смежность, денотативное пересечение. Пересечение ПАДАТЬ и ПРЫГАТЬ (ср. *пуговица отскочила*) связано с начальным импульсом, силой, которая приводит объект в быстрое и резкое движение из состояния покоя, сопровождаемое потерей контакта с исходной поверхностью; для ПРЫГАТЬ это внутренняя энергия объекта, для ПАДАТЬ — какое-то внешнее обстоятельство. Пересечение ЛЕТАТЬ и ПАДАТЬ (подробнее см. [Плунгян, Рахилина 2007]) связано с движением объекта в воздухе как частью процесса падения с высоты, ср. *слетела шляпа*. Денотативное пересечение вращения и падения возникает при падении вертикально ориентированных объектов, потому что в процесс такого падения включен поворот объекта в вертикальной плоскости (ср. *вывороченное с корнем дерево*; *автобус перевернулся*, т. е. ‘упал набок’). Пересечение полей падения и контакта возникает за счет последней фазы падения — резкого контакта с нижней поверхностью, часто удара о нижнюю поверхность (ср. *шмякнулся об стену*, т. е. ‘ударился’ vs. *шмякнулся на пол*, т. е. ‘упал’). Таким образом, сквозь призму колексификаций семантика представляется не как совокупность отдельных единиц, вступающих в некоторую иерархию, как это было принято в античности и практикуется до сих пор, например, в тезаурусах и подобных им онтологиях типа WordNet [Miller 1995], а как непрерывное пространство пересекающихся и переходящих друг в друга семантических комплексов.

Взгляд на глагольную семантику как на последовательность подситуаций (см. понятие «структуры события», в англоязычной традиции «event structure»), которые задают структуру значения глагола, был в свое время предложен в рамках формальной семантики (см. [Davidson 1967; Dowty 1979; Ramchand 2008] и др.) и параллельно — в рамках отечественного проекта семантической базы глагольной лексики «Лексикограф», созданной под руководством Е. В. Падучевой [2004; 2009] и Г. И. Кустовой [2004]. Модели представления семантики глагола через структуру обозначаемого им события разрабатываются и в рамках когнитивной лингвистики, см. [Croft 2012; Gärdenfors 2024]. Действительно,

¹ За многочисленными примерами из разных языков мы, чтобы не перегружать ими данную работу, отсылаем к разнообразным иллюстрациям этих эффектов в [Рахилина и др. 2020; Ryzhova et al. 2024]; здесь нас будет интересовать обобщение всех описанных стратегий колексификации как основа для дальнейших исследований.

на основе структуры события удобно описывать акциональность, каузальность и аргументную структуру глагола, чтобы затем строить модели актантажной деривации или аспектуальных категорий языков мира на единой семантической базе. Наша задача другая, сугубо лексическая, но ниже мы покажем, что базовая идея представления события как последовательности подситуаций, или фаз, релевантна в том числе для выявления принципов коллексификации². Мы проиллюстрируем эту идею на материале не изучавшегося ранее с этой точки зрения поля *исчезать*.

3. *исчезать*: структура поля

Семантика глаголов поля *исчезать* (ср. русск. *пропасть, исчезнуть, деться* и др. или англ. *vanish, disappear*) интересна нам сразу по двум причинам. Во-первых, прототипически они описывают точечное событие — а значит, ситуацию без структуры, не соотносящуюся с последовательностью фаз, которые могут участвовать в коллексификации³. Во-вторых, само исчезновение — смысл достаточно абстрактный, который соотносится не с конкретным физическим событием как таковым (ср. ‘пришел’, ‘нашел’ или ‘упал’), а с общей интерпретацией некоторого происшествия со стороны говорящего: нечто (неизвестно, что) произошло с X-ом — и говорящий описывает это как: X исчез, т. е. перестал быть видимым / доступным. Таким образом, в терминах MLexT глаголы исчезновения тоже можно относить к недоспецифицированным. В работах [Альбицкий 2022; Альбицкий, Рахилина (в печати); Альбицкий, Казкенова (в печати)] собраны и обобщены данные по этому семантическому полю для русского и еще семи языков и выделены основные фреймы и стратегии их коллексификации. В этом разделе мы кратко изложим этот материал и будем опираться на него в дальнейшем.

Исчезновение объекта соответствует ситуации, когда этот объект перестает быть доступным говорящему / наблюдателю. В зависимости от типа объекта ситуация может видоизменяться; хорошо различаются три ее разновидности (три связанных друг с другом фрейма). Первый способ исчезновения — когда объект движется и ввиду движения по направлению от наблюдателя перестает быть видимым (или наоборот, наблюдатель движется и отдаляется от объекта), ср. *Корабль исчез за поворотом реки*. Второй касается одушевленных объектов, которые могут двигаться в любом направлении неконтролируемо для наблюдателя и за счет этого перестать находиться в привычном или ожидаемом месте;

² Кстати говоря, акциональные классы для нас тоже очень важны: процессы, состояния, мгновенные ситуации имеют разную фазовую структуру, а следовательно, могут иметь специфических соседей. Кроме того, семантические сдвиги могут приводить к изменению акциональности глагола, а значит, могут выводить его за пределы исходного поля, ср. *искать* как неопредельный процесс и *находить* как моментальное событие, которые в языке могут быть связаны исторически — и это тоже коллексификация, ср. русск. *искать* — *отыскать* или китайскую систему глаголов поиска и находки, где для выражения значения ‘найти’ используется глагол *zhǎo* ‘искать’ в сочетании с показателем результата [Холкина и др. 2018].

³ Исчезновение может быть длительным процессом только в двух случаях: либо если этот процесс дистрибутивный, т. е. в нем участвует несколько субъектов (ср. *постепенно все яблоки исчезли со стола*, т. е. куда-то пропали одно за другим), либо если это особый, очень специальный тип исчезновения, при котором субъект становится все более прозрачным и наконец невидимым, ср. *облако исчезло* или *краска постепенно исчезает*. И в том и в другом случае мы по сути имеем дело не с разными фазами, а либо с многократным повторением одной и той же фазы (собственно, точечного события исчезновения), либо с «растягиванием» этого точечного события: объект может стать недоступным наблюдению сразу или постепенно. Поскольку для нашего сюжета важен прежде всего набор фаз, в дальнейшем мы будем игнорировать возможные акциональные и аспектуальные различия в этой зоне.

о таких объектах говорят *пропал*, когда их ищут, ср. объявление типа: *Пропал кот!* Неодушевленный объект никуда не может самостоятельно переместиться — тем не менее небольшие объекты, находящиеся в собственности / личной сфере говорящего, тоже могут неожиданно для него оказаться вне доступа — обычно на короткий период, что соответствует третьему фрейму. Например, в ситуации поиска пропажи можно сказать *Куда-то делся телефон*, если его не положили на место, если он упал за диван и проч.

Таким образом, центральными фреймами П. О. Альбицкий считает следующие три:

1. ‘Перестать быть видимым — в ситуации движения объекта или наблюдателя’;
2. ‘Об объекте (обычно одушевленном), который ищут’;
3. ‘Перестать находиться в привычном или ожидаемом месте’ — о неодушевленных объектах.

Помимо них, для круга глаголов, описывающих исчезновение, могут оказаться релевантны и семантически более сложные ситуации, например ‘потеря актуальных свойств’ — для неодушевленных предметов (фрейм 4), ср. русск. *пропал билет в театр*, когда сам билет как физический объект сохранился, но исчезла возможность воспользоваться его свойством быть пропуском на спектакль, если билет оказался просрочен⁴. Так же может потерять свойства испортившийся продукт — замороженная картошка или свернувшееся молоко: объект существует в реальном мире, но он потерял свои существенные свойства, так что приготовить из него еду уже невозможно. Свойства одушевленных посессоров тоже могут исчезать — такую ситуацию можно назвать ‘утраченное физиологическое / психическое состояние’ (фрейм 5), ср. русск. *пропал аппетит, пропала робость* или *пропала усталость*.

Итак, исчезать могут конкретные объекты (одушевленные или неодушевленные) и их свойства. Нереперентные сущности, т. е. не конкретные объекты, а их типы, при определенных условиях тоже могут оказываться недоступны наблюдателю / говорящему, ср. *динозавры исчезли*. Это особая ситуация ‘прекращения существования’ (фрейм 6), достаточно сложная семантически, потому что она не соотносится не только ни с каким физическим объектом, но и ни с каким фиксированным точечным событием⁵.

Отдельно учитываются частные случаи исчезновения, такие как, например, полинявшая или выцветшая (= исчезнувшая) краска. Таким образом, в целом это поле предстает как сложная система фреймов, связанных друг с другом простыми отношениями. Мы не будем вдаваться здесь ни в теоретическую классификацию этих отношений, ни в обсуждение семантической карты, предложенной в работе [Альбицкий 2022], ни в описание лексических систем поля ИСЧЕЗНОВЕНИЕ для конкретных языков (русского, английского, словенского, адыгейского, финского и др.), поскольку все эти сюжеты не имеют прямого отношения к нашему исследованию. Мы использовали анкету, которая была разработана П. О. Альбицким, и полученный в ходе работы над ней общий абрис поля ИСЧЕЗАТЬ. С ее помощью в ходе полевых исследований 2024 г. в г. Хорог (Таджикистан, Горно-Бадахшанская автономная область) мы собрали и проанализировали материал шугнанского языка, уделяя особое внимание колексификациям глаголов поля ИСЧЕЗНОВЕНИЯ со значениями из других семантических зон. Методологию нашей работы, а также полученную картину поля ИСЧЕЗАТЬ и его соседей в шугнанском мы опишем в следующем разделе.

⁴ Понятно, что исчезновение свойств объекта, приписанное самому объекту, — это не прямое значение, а семантический сдвиг (более точно, метонимия), но для нашей задачи сдвиги значения внутри поля не так существенны, так что здесь и далее мы не предполагаем останавливаться на их подробном описании, отсылая к работам автора.

⁵ Интересно, что в Активном словаре русского языка именно это значение дается в качестве первого для русского глагола *исчезнуть* [Апресян В. и др. 2023: 249].

4. Поле исчезать в шугнанском языке

Шугнанский язык — малый восточноиранский язык, принадлежащий к ареалу языков Памира. На сегодняшний день он не относится к числу угрожаемых: на нем говорит порядка 100 тыс. человек в Таджикистане и Афганистане [Edelman, Dodykhudoeva 2009: 788], и, что особенно важно, для своих носителей он является языком повседневного общения. В Горно-Бадахшанской автономной области Таджикистана в шугнанских семьях дети дошкольного возраста говорят, как правило, только на шугнанском и лишь в школе осваивают русский или таджикский — в зависимости от того, на каком из этих языков проходит обучение.

Прежде чем переходить к обзору полученного материала, скажем несколько слов о специфической ситуации, касающейся состава шугнанской лексики и ее динамики. Главным источником лексического материала для этого языка является шугнанско-русский словарь Додхудо Карамшоева, изданный в 1988–1999 гг. [Карамшоев 1988; 1991; 1999]. В словаре собрано около 30 тыс. слов, тщательно описанных и проиллюстрированных большим количеством живых примеров, собранных в Хороге и памирских селениях. Не все слова исконно шугнанские — среди них встречаются таджикские, арабские и русские заимствования, характерные для шугнанского лексикона в силу общей социолингвистической ситуации в регионе его распространения.

Между тем с момента выхода последнего тома словаря прошло уже четверть века, с момента выхода первого — еще на 10 лет больше, а если учесть, что на ручной набор, редактуру и корректуру в то время уходило несколько лет и начало работы над словарем относится к 1960-м гг., то с тех пор выросло уже несколько новых поколений носителей, а тем информантам, с которыми работал Карамшоев, сегодня может оказаться уже около 100 лет. Таким образом, как лексикографический источник словарь Карамшоева является прежде всего историческим, фиксирующим некоторый предыдущий срез языка, который условно можно оценить как имеющий полувековую давность: эту лексику хорошо знали бабушки и дедушки сегодняшних студентов. Даже поколение образованных шестидесятилетних носителей уже не опознает примерно четверть словника, не говоря уже об их детях, так что, по нашим предварительным расчетам, от 30 до 40 процентов лексем и лексических значений с тех пор из языка ушло. Одновременно меняется узус «живых» лексем: их значение расширяется, и они «вбирают» в себя те контексты, которые ранее были закреплены за специальными лексическими средствами, ныне вышедшими из употребления. Так, что называется, в реальном времени мы можем наблюдать, как с уменьшением разнообразия словаря и расширением спектра доступных лексеме контекстов постепенно уходит языковая сложность.

Как показала работа с анкетой, сказанное в полной мере относится и к полю *исчезать*. Анкета представляет собой набор контекстов — предложений на русском языке, в которых реализуются разные значения глаголов поля исчезновения (ср. *Куда делся мой телефон?* или *У меня пропал аппетит* и под.). Поскольку все носители, с которыми мы работали, владели русским языком, мы просили их переводить предложения из анкеты на шугнанский и фиксировали глаголы, которые они употребляли в разных контекстах. Для каждого глагола, который носители использовали хотя бы в одном контексте, мы проверяли степень его употребительности: последовательно подставляли его в шугнанские переводы каждого предложения из анкеты и просили носителей оценить грамматичность и семантическую адекватность получившихся высказываний. Такие элицитационные сессии мы провели с пятерыми носителями шугнанского языка в возрасте от 16 до 52 лет.

Оказалось, что в речи современных носителей доминирует глагол *bedow* ‘исчезать’: именно он используется в подавляющем большинстве пунктов анкеты, см., например, (1). Правда, в одном из ядерных диагностических контекстов — поиска затерявшейся вещи (фрейм 3) — всеми носителями стабильно используется глагол *sitow* с основным значением

‘идти’ (2), а в контекстах, связанных с утратой цвета, если вещь полиняла или выцвела на солнце, безальтернативен глагол *tidow* ‘идти, течь’ (3). Этот же глагол может использоваться для описания удаляющегося объекта, постепенно скрывающегося из виду (4). Кроме того, некоторые фразеологизованные сочетания со значением исчезновения на основе глагола *sitow* ‘идти’ (например, *ayf sitow* ‘пропадать даром’ или *ar xac sitow* ‘пропадать даром, зря, напрасно’) известны носителям и, видимо, тоже находятся в общем узусе (см. подробнее раздел 6).

- (1) *wam xāt=um stol=ti ca lāk-t yā be-d*
D3.F.SG.O письмо=1SG стол=SUP SUBD оставлять-PST D3.F.SG исчезать-PST
‘Письмо, которое я оставил на столе, исчезло’ (элицитация).
- (2) *mu telefon tarkā sat?*
PRN.1SG.O телефон куда идти.PST.F
‘Куда делся мой телефон?’ (элицитация)
- (3) *Safina=yi naw kurtā xu-rd zoḫ-t zino-d=i wi wi*
C.=3SG новый платье REFL-DAT брать-PST мыть-PST=3SG D3.M.SG.O D3.M.SG.O
rāng tūyd...
цвет идти.PST.M
‘Сафина купила себе новое платье, постирала его, оно полиняло (букв. ‘его цвет ушел’)...’ (элицитация)
- (4) *Safina=yi tar poezd čūḫ-t yā ḡal sof ca na-toyd*
C.=3SG EQ поезд смотреть-PST D3.F.SG пока совсем SUBD NEG-идти.PST.F
‘Сафина смотрела на поезд, пока он еще не исчез из виду’ (элицитация).

Во фреймах ‘потеря актуальных свойств’ (фрейм 4) и ‘утраченное физиологическое / психическое состояние’ (фрейм 5) наблюдается больше расхождений между носителями: некоторые используют во всех (или почти во всех) контекстах доминантный глагол *bedow* ‘исчезать’, а другие (прежде всего наша самая старшая респондентка) опираются на более распределенную лексическую систему. Так, для фрейма 4 может использоваться глагол *θidow* ‘сгорать’, так что билеты в театр или картошка в погребе могут ‘сгореть’, если потеряют свой функционал. Лексификация фрейма 5 зависит от типа утраченного состояния: об аппетите или настроении говорят ‘перевернулось’ (*gāḫtow*), о здоровье — ‘повредилося’ (*dak xīdow*), о желании, жажде или голоде — ‘сломалось’ (*virīḫtow*), об усталости — ‘отскочила’ (*zibidow*). Последний глагол из этого ряда — *zibidow* ‘прыгать, отваливаться’ — может также употребляться по отношению к скрывшемуся из виду человеку (фрейм 2).

В целом разнообразие вариантов оказывается значительным, хотя и более узким, чем в словаре Карамшоева, где зафиксировано порядка 20 способов сказать, что нечто исчезло или пропало, ср. список простых и сложных глаголов в таблице (с. 17), скорее всего, не учитывающий всех деталей⁶. Заметим, что для глаголов *gāḫtow* ‘переворачиваться’, *virīḫtow* ‘ломаться’, *dak xīdow* ‘повреждаться’, *tidow* ‘идти, течь’, упоминавшихся выше, Д. Карамшоев значение исчезновения не указывает.

Мы не можем быть уверены в том, что все слова и фраземы, которые приводит Д. Карамшоев, сосуществовали в рамках единой лексической системы: вполне возможно, что они были распределены по диалектам и идиолектам. Однако в данной работе, посвященной принципам колексификации, нас интересует другой вопрос — о том, можно ли объяснить такое разнообразие возможностей и верно ли, что все они вкладываются в наши теоретические представления о денотативном пересечении, смежности и семантической непрерывности.

⁶ Список составлен сплошным поиском по электронной версии словаря Д. Карамшоева, доступной на сайте rami.online [Makarov et al. 2022]. В таблицу вошли все глаголы и глагольные выражения, у которых в зоне значений фигурировали слова «исчезать», «пропадать» и/или «скрываться».

Таблица

Глаголы с семантикой ‘пропадать’, ‘исчезать’ в словаре Д. Карамшоева⁷

Глагол	Значение по словарю
<i>ar ħac sitow</i>	пропадать даром, зря, напрасно
<i>as dast sitow</i>	портиться, выходить из строя, пропадать
<i>as nazar yoyib sitow</i>	исчезать, пропадать из виду, скрываться с глаз
<i>ayf sitow</i>	пропадать даром (о вещах)
<i>bedow</i>	исчезать, пропадать, теряться
<i>gum sitow</i>	пропадать зря, исчезать
<i>θidow</i>	гореть, сгорать, зажигаться; пропадать (даром)
<i>nest sitow</i>	уничтожаться, исчезать; сходить на нет
<i>obnifrow sitow</i>	пропадать, погибать; разоряться, приходить в упадок
<i>pano δêdow</i>	скрываться, становиться не видным
<i>rafay sitow</i>	исчезать, устраняться, пропадать
<i>sitow</i>	идти, ехать, отправляться; деваться, пропадать
<i>talaf sitow</i>	гибнуть, пропадать, уничтожаться
<i>xangi δêdow</i>	скрываться из виду, пропадать из поля зрения
<i>xāmb δêdow</i>	скрываться, пропадать из виду
<i>yāry yêdow</i>	сходить с ума, терять рассудок; пропадать, исчезать
<i>yoc δêdow</i>	сгорать; гореть; гибнуть, пропадать
<i>zibidow</i>	прыгать, скакать; исчезать, пропадать, убежать
<i>yasp sitow</i>	пропадать, теряться, погибать
<i>yayb sitow</i>	скрываться, исчезать
<i>yarqi nopedo sitow</i>	пропадать, исчезать; пропадать без вести

5. Обсуждение

Задача этого раздела — представить шугнанский материал, как словарный, так и наш полевой, в виде системной классификации, объясняющей для каждой лексической единицы (слова или фраземы) возможность колексификации с полем исчезать. Объяснение мы хотели бы, в соответствии со сказанным в разделе 3, строить, демонстрируя денотативное пересечение единиц с этим полем. В случае денотативного пересечения одна из двух ситуаций может целиком вкладываться в другую как фрагмент ее семантической структуры, либо пересекаться с другой каким-то из звеньев соответствующей последовательности

⁷ В графе «Значение по словарю» приводится первое значение глагола или выражения, если оно не относится к полю исчезать, а также формулировка интересующего нас значения исчезновения в том виде, в каком она дана в словаре.

мелких ситуаций, составляющих общую фазовую структуру события. Ясно, что мгновенное исчезать не раскладывается на подсобытия; таким образом, в случае колексификации мы ожидаем, что оно является частью другой, смежной ему объемлющей ситуации, целиком в нее вкладываясь.

Как уже было сказано, при анализе мы учитываем и актуальные лексемы, и устаревшие, и заимствованные, и конструкции. Очевидно не интересны для нашей задачи сочетания, связанные только непосредственно с идеей исчезновения и не демонстрирующие, тем самым, никаких колексификаций, ср. заимствованные из таджикского *as nazar ʔoyib sitow*, букв. ‘из взгляда исчезнувшим стать’⁸, *ʔasp sitow*, букв. ‘исчезнувшим стать’, *ʔayb sitow*, букв. ‘скрытым стать’, а также *rafay sitow*, где именная часть *rafay* означает исчезновение, устранение, прекращение. Мы также исключаем из дальнейшего рассмотрения сложный глагол *ʔary ʔedow* ‘сходить с ума, терять рассудок; пропадать, исчезать’. Этот глагол устарел, не употребляется современными носителями, и его внутренняя структура для них непрозрачна, из-за чего становится невозможно установить, с каким именно значением в данном случае колексифицировано исчезновение. Согласно словарю Д. Карамшоева, его именная часть *ʔary* имеет значение ‘крик, шум, вой злых духов (якобы появляющихся после смерти)’ [Карамшоев 1991: 39], так что, по всей видимости, для полного понимания семантической структуры выражения *ʔary ʔedow* (где *ʔedow* — это легкий глагол ‘нести’) необходимо представление о традиционной мифологии и народных верованиях, на сегодняшний день утраченное. Все остальные простые и сложные глаголы (как те, что были выявлены в процессе работы с анкетой, так и найденные сплошным поиском по словарю) мы далее распределим по нескольким классам — в зависимости от типа соотношения их исходной семантики с семантикой исчезновения.

С точки зрения смежности за счет денотативных пересечений для исчезать важны два типа процессов с мгновенной составляющей: глаголы движения от говорящего / наблюдателя и процессы уничтожения — для них событие исчезать оказывается естественным результатом.

В первом случае, при движении от говорящего / наблюдателя, перемещаясь, объект вдруг перестает быть для него видимым. В шугнанском есть целая группа глаголов такого типа: прежде всего *sitow* ‘идти’ (который, как мы помним, наряду с *bedow* описывает один из центральных фреймов — фрейм 3 ‘деться’) и *tidow* ‘идти, течь’ — об объекте, исчезнувшем из виду, а также выцветшем / полинявшем цвете. В группу исчезновения за счет предшествующего движения попадают и некоторые фразеологизмы, ср. *as dast sitow*, букв. ‘из рук идти’, с заимствованной из таджикского именной частью.

В ту же группу попадает и глагол *zibidow* ‘прыгать’ — о скрывшемся, например, за дверью человеке, об ушедшей усталости, ср. также устойчивое выражение, примерно соответствующее ‘солнце садится’: *zari zibid*, букв. ‘солнечные блики открепилась / отскочили (от гор)’, ср. в [Зарубин 1960: 282]: «окончательное исчезновение дневного света, предвечерняя пора».

На семантическую смежность смыслов ‘уходить’ и ‘исчезать’ указывает и то, что в шугнанском доминантный для поля исчезновения глагол *bedow*, по свидетельству Д. Карамшоева, сам развивает в качестве второго значения ‘идти, уходить’, как в словарном примере (5).

- (5) *ā bač-ʔalā, x-et šič=xu, bes-et*
 эй ребенок-PL есть-2PL.PRS сейчас=COORD исчезать-2PL.PRS
 ‘Эй, ребята, сейчас поешьте да уходите’ [Карамшоев 1988: 232].

Второй класс — предельные процессы разрушения и уничтожения — тоже обнаруживает смежность с исчезновением. Для них момент исчезновения — это та точка, в которой

⁸ Глагол *sitow* ‘идти’ регулярно употребляется в значении ‘становиться’.

кончается процесс разрушения объекта и начинается состояние небытия / недоступности объекта в его исходном виде. Ср. описательное *obnifrow sitow*, букв. ‘становиться уничтоженным’, т. е. ‘пропадать, погибать, приходиться в упадок, разорение’; так говорят о запущенном саде, загубленном коне, испорченном запасе сена и проч. Из списка, полученного в ходе анкетирования, в эту группу входит глагол *θidow* ‘гореть, сгорать’ (например, о неиспользованном билете), ср. также зафиксированный Д. Карамшоевым устаревший сложный глагол с той же семантикой *yoc δédow*, который состоит из именной части *yoc* ‘огонь’ и легкого глагола *δédow* ‘падать’. В том же ряду стоят глаголы *virixtow* ‘ломаться’ (о пропавшем рвении, желании, голоде) и *dak xīdow* ‘повреждаться’ (об утраченном здоровье), где *xīdow* — легкий глагол ‘есть’, а *dak* имеет не вполне понятное происхождение и, возможно, связано с глаголом *daktow* ‘пересыхать (в горле)’. К этому же классу можно отнести и устаревшее таджикское заимствование *talaf sitow*, состоящее из именной части *talaf* ‘повреждение’ и легкого глагола *sitow* ‘идти’, которое, в частности (наряду, например, с потерей / растратой денег), описывает узкое значение ‘военные человеческие потери’, ср. пример (6). Интересно, что ситуация человеческой смерти, по-видимому, в принципе близка идее исчезновения⁹: доминантный глагол *bedow* может служить для нее эвфемизмом. Д. Карамшоев приводит пример такого употребления для смерти старика, см. (7). Носители шугнанского говорят, что такое замещение может сейчас происходить только по отношению к смерти младенца¹⁰.

(6) *potxo lixkar talaf sut*
 царь войско уничтожение идти.PST.M
 ‘Царские войска понесли потери’ [Карамшоев 1999: 19].

(7) — *tu bob salūmati carāng?* — *yu vegā be-d*
 PRN.2SG дедушка здоровье как D3.M.SG вечер исчезать-PST
 ‘— Как здоровье твоего деда? — Он вечером скончался’ [Карамшоев 1988: 232].

Третий тип ситуаций, смежных с исчезать, тоже, по нашему опыту, чрезвычайно характерен для лексических переходов. С некоторой долей условности, в рамках MLexT мы называем эти процессы «топологическими» — потому что они связаны с изменением формы и ориентации объекта и/или его положения в пространстве. Топологические изменения тоже завершаются в своего рода конечной точке процесса, но недоступность объекта возникает за счет изменения его собственной конфигурации, ср. *gāxtow* ‘переворачиваться’: так говорят про пропавший аппетит. Другой вариант топологической ситуации — когда объект меняет местонахождение так, что попадает в пространство какой-то специальной конфигурации, скрывающей его — как, например, ложбина. В шугнанском есть устаревший сложный глагол *xangi δédow*, букв. ‘ложбина, углубление, недоступное взору место’ + ‘падать’, который переводился как ‘пропадать из виду’, ср. пример (8) из словаря Карамшоева. К этой же модели можно отнести устаревший таджикизм *xāmb δédow* ‘скрываться, пропадать из виду’ (‘сгиб, изгиб, извилина’ + ‘падать’)¹¹, а также, вероятно, фраземы *ar xac sitow* ‘пропасть даром’ (букв. ‘в воде оказаться’) и *yarqi nopedo sitow* (букв.

⁹ В Каталоге семантических переходов DatSemShift [Zalizniak et al. 2002–2024] засвидетельствовано 9 реализаций перехода от значения ‘исчезать’ к значению ‘умирать’ (<https://datsemshift.ru/shift0745>).

¹⁰ Возможно, в конечном счете к этой же модели колексификации идей смерти и исчезновения относится и упоминавшееся выше непрозрачное выражение *yāry yédow*, где именная часть обозначает крики духов, появляющихся именно после смерти.

¹¹ Аналогично может быть устроен и таджикизм *gum sitow* ‘пропадать зря, бесследно’. В словарной статье для существительного *gum* Д. Карамшоев приводит только устойчивые словосочетания и сложные глаголы, но не приводит значение самого существительного. Однако, согласно [Пахалина 1971], в диалектах сарыкольского *gym / gūm* имеет значение ‘ухаб, ухабистое место’.

‘погруженным в воду скрытым стать’); ср. также пример из баджувского диалекта (9), где в значении исчезновения употребляется именная часть последней фраземы — *yarq* ‘потонувший, погруженный (в жидкость, в грязь)’. По-видимому, в этот класс нужно включать и сложный глагол *pano δédow* со значением ‘скрыться’, образованный сочетанием таджикского прилагательного *pano* ‘скрытый, невидный; тайный’ и легкого глагола ‘падать’. Его внутренняя форма также указывает на семантику изменения местоположения объекта на такое, которое делает его невидимым, — но недоспецифицированное в отношении своих геометрических свойств.

(8) *tu viro xangi δod*
PRN.2SG брат ложбина падать.PST

‘Твой брат скрылся из виду’ [Карамшоев 1999: 177].

(9) *cūnd=um wi xu kud xikū-d, yu yarq*
сколько=1SG D3.M.SG.O REFL собака искать-PST D3.M.SG потонувший

‘Сколько я ни искал свою собаку, она как в воду канула’ [Карамшоев 1999: 456].

Наконец, последний тип колексификации, представленный в шугнанском, затрагивает своего рода пост-результат мгновенного исчезновения: объект уже исчез, ситуация перешла в фазу состояния его, так сказать, не-существования в поле зрения говорящего, которое и является главным результатом исчезновения. Но есть пост-состояние, которое связано с эмоциями говорящего по поводу этого результата: его обуревают фрустрация, ему жаль, что все пропало. Особенно ярко выглядит достаточно широко распространенный, в том числе и у молодых носителей, сложный глагол *ayf sitow* ‘пропадать даром’, обозначающий потерю функциональности неодушевленного объекта (фрейм 4), именная часть которого *ayf*, согласно словарю, употребляется как междометие со значением ‘жалко!, как жаль!, увьи!’ или наречие с семантикой ‘зря, попусту, даром’.

Таким образом, системный взгляд на множество колексификаций поля исчезать позволяет выделить четыре компактных группы предикатов: движения от говорящего, разрушения, топологических изменений и фрустративных эмоций. Мы показали, что эти четыре группы очевидно связаны с исчезновением как недоспецифицированным точечным событием. Три первые включают его как естественный конечный пункт развития ситуации: это своего рода варианты развития событий перед исчезновением как результатом, а четвертый представляет эмоциональную интерпретацию этого результата. Таким образом, проявляется структура возможных объемлющих исчезать ситуаций. Это важный результат для недоспецифицированного концепта: его трудно получить умозрительно, тогда как результаты анализа языковых данных нетривиальны и убедительны. Даже в пределах шугнанского языка эти группы предикатов достаточно разнообразны, так что разные представители одной группы как бы подтверждают легитимность друг друга.

Безусловно, эти наблюдения требуют подтверждения данными других языков. Основательные типологические исследования остаются пока делом будущего, но уже сейчас мы можем составить предварительные представления о том, с какими полями в языках мира регулярно колексифицируется исчезать. В этом нам поможет типологическая база колексификаций CLICS³, включающая сведения о колексификациях для 2 919 значений (concepts) в 3 156 идиомах.

На рисунке, который представляет кластер DISAPPEAR из базы CLICS³, хорошо видно (см. наши графические выделения: треугольники, квадраты, овалы), что засвидетельствованные колексификации полностью вкладываются в выявленные нами и теоретически обоснованные классы: движение от говорящего (FLEE, LEAVE; заключены в треугольники), уничтожение (BE DEAD, CEASE — в прямоугольники), топологические изменения, в том числе недоспецифицированные (MISPLACE, HIDE, SET (heavenly bodies) — в овалы). Тем самым, предварительный типологический обзор не выявляет противоречий и поддерживает выведенные нами принципы.

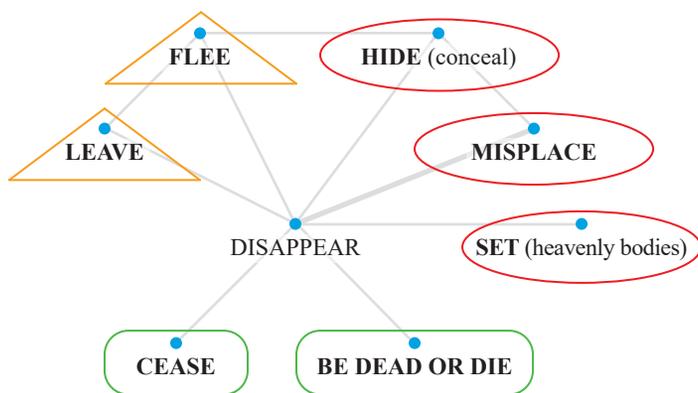

Рис. Кластер DISAPPEAR в базе данных CLICS^{3, 12}

6. Заключение

Мы ставили перед собой задачу поиска принципов колексификации в глагольной лексике, которые позволяли бы нам не просто фиксировать факты объединения значений в рамках одного лексического средства и их классифицировать, но и объяснять природу этих объединений — а значит, и в некоторой степени их предсказывать. К решению этой задачи нас подтолкнул накопленный в ходе многолетних исследований материал по типологии отдельных семантических полей (или базовых категорий), где мы не раз наблюдали похожие явления, которые теперь пришло время обобщить и проанализировать. В этой статье мы не стремились дать полную картину всех возможных принципов колексификации, оставив, в частности, за ее рамками обсуждение колексификаций, основанных на метафоре и аргументной метонимии (см. раздел 2), и сфокусировались на принципе, который ранее, насколько нам известно, никем не формулировался и подробно не изучался. Этот принцип основан на денотативной смежности ситуаций, т. е. частичном пересечении их фазовых структур, и может быть условно назван **событийной метонимией**¹³. Его можно сформулировать так: можно ожидать колексификации двух ситуаций, из которых одна вкладывается в другую как начальная, конечная или центральная часть соответствующего ей процесса.

Мы показали, как этот принцип объясняет колексификации, наблюдавшиеся нами ранее в семантических полях падения и поиска, а также проиллюстрировали его на материале

¹² В узлах графа (доступен по ссылке https://clics.clld.org/graphs/subgraph_485) находятся «концепты» (concepts) — лексические значения. Узлы связаны ребром в том случае, если хотя бы одно лексическое средство покрывает эти два значения. Толщина ребра зависит от количества единиц, колексифицирующих соответствующие значения. Треугольники, овалы и прямоугольники добавлены нами вручную и иллюстрируют предложенную нами классификацию моделей колексификации для поля исчезать.

¹³ В наших более ранних работах мы предлагали термин «процессная метонимия» (processual metonymy) [Rakhilina et al. 2022b: 255], поскольку считали, что в такого рода смежности участвуют, прежде всего, части длительных процессов. Наше исследование поля исчезать, предполагающего преимущественно точечные события, но при этом активно вступающего в колексификации со смежными полями, расширяет эти представления, и термин «событийная метонимия» кажется для этой новой картины более адекватным.

наших новых полевых данных шугнанского языка и нового для нас семантического поля исчезновения.

Поле исчезновения примечательно тем, что большинство его фреймов, в отличие от фреймов полей падения или поиска, представляют собой точечные события, а значит, не имеют фазовой структуры, что, казалось бы, могло бы им помешать колексифицироваться с другими полями. Однако наш шугнанский материал, поддержанный типологическими данными из базы CLICS³, показывает, что семантика исчезновения легко колексифицируется со смежными глагольными зонами, предполагающими ситуации, предшествующие точечному событию или следующие за ним, а именно: с процессами, для которых событие исчезновения является последней фазой (это движение от наблюдателя, процессы уничтожения и топологические изменения), а также с обозначением пост-результата события исчезновения — фрустративной эмоции говорящего / наблюдателя.

Следующим шагом может стать выход на новую ступень обобщения: теперь можно изучать, как разные фазовые структуры взаимодействуют между собой с точки зрения колексификации и какие это имеет последствия для общей теории метонимии.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо

COORD — сочинительный союз

DAT — датив

D3 — демонстратив третьей серии (дальний дейктик)

EQ — экваллатив

F — женский род

M — мужской род

NEG — отрицание

O — косвенная форма местоимения

PL — множественное число

PRN — местоимение

PRS — настоящее время

PST — прошедшее время

REFL — рефлексив

SG — единственное число

SUBD — подчинительный союз

SUP — суперессив

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Альбицкий 2022 — Альбицкий П. О. *Лексическая типология. Глаголы исчезновения*. Магистерская диссертация. М.: НИУ ВШЭ, 2022. [Al'bitskii P. O. *Leksicheskaya tipologiya. Glagoly ischeznoventiya* [Lexical typology. Verbs of disappearing]. Master thesis. Moscow: HSE Univ., 2022.]
- Альбицкий, Казкенова (в печати) — Альбицкий П. О., Казкенова А. Родственные языки как объект лексической типологии: глаголы исчезновения в турецком и казахском языках. *Урал-алтайские исследования*. В печати. [Al'bitskii P. O., Kazkenova A. Related languages as an object of lexical typology: Verbs of disappearing in Turkish and Kazakh. *Ural-Altai Languages*. In print.]
- Альбицкий, Рахилина (в печати) — Альбицкий П. О., Рахилина Е. В. Глаголы исчезновения русского языка в типологическом контексте. *Acta Linguistica Petropolitana*. В печати. [Al'bitskii P. O., Rakhilina E. V. Russian verbs of disappearing in a typological context. *Acta Linguistica Petropolitana*. In print.]
- Апресян В. и др. 2023 — Апресян В. Ю., Галактионова И. В., Иомдин Б. Л. (ред.). *Активный словарь русского языка*. Т. 4, ч. 1: *И-Й*. М.: Языки славянской культуры, 2023. [Apresjan V. Yu., Galaktionova I. V., Iomdin B. L. (eds.). *Aktivnyi slovar' russkogo yazyka* [Active Russian dictionary]. Vol. 4, part 1: *I-J*. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2023.]
- Апресян Ю. 1974 — Апресян Ю. Д. *Лексическая семантика: Синонимические средства языка*. М.: Наука, 1974. [Apresjan Yu. D. *Leksicheskaya semantika: Sinonimicheskie sredstva yazyka* [Lexical semantics: Synonymic means of the language]. Moscow: Nauka, 1974.]
- Апресян Ю. 2008 — Апресян Ю. Д. Теоретические основы Активного словаря русского языка. *Вестник Российской академии наук*, 2008, 78(5): 399–403. [Apresjan Yu. D. Theoretical basis of the Active Russian Dictionary. *Vestnik Rossiiskoi akademii nauk*, 2008, 78(5): 399–403.]

- Ганенков 2007 — Ганенков Д. С. Глаголы перемещения в воде: южнославянские языки. *Глаголы движения в воде: Лексическая типология*. Майсак Т. А., Рахилина Е. В. (ред.). М.: Индрик, 2007, 286–304. [Ganenkov D. S. Verb of aqua-motion: South Slavic languages. *Glagoly dvizheniya v vode: Leksicheskaya tipologiya*. Maisak T. A., Rakhilina E. V. (eds.). Moscow: Indrik, 2007, 286–304.]
- Гусев 2018 — Гусев В. Ю. «Найти» и «искать» в нганасанском языке и в русском языке нганасан. *ЕВРика! Сборник статей о поисках и находках к юбилею Е. В. Рахилиной*. Рыжова Д. А. и др. (ред.). М.: Лабиринт, 2018, 203–217. [Gusev V. Yu. “Find” and “search” in Nganasan and the Russian speech of the Nganasans. *EVrika! Sbornik statei o poiskakh i nakhodkakh k yubileyu E. V. Rakhilinoi*. Ryzhova D. A. et al. (eds.). Moscow: Labirint, 2018, 203–217.]
- Демкина, Жукова 2016 — Демкина Д. С., Жукова В. А. «Шкурный вопрос»: названия оболочек предметов (кожа, шкура, скорлупа...) в типологической перспективе. *Проблемы лексико-семантической типологии*. Вып. 3. Кретов А. А. (ред.). Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2016, 58–61. [Demkina D. S., Zhukova V. A. “Nearer is my skin”: Designations of what covers an object (skin, pelt, shell...) in a typological perspective. *Problemy leksiko-semanticheskoi tipologii*. Iss. 3. Kretov A. A. (ed.). Voronezh: Voronezh State Univ., 2016, 58–61.]
- Зализняк 2004 — Зализняк Анна А. Феномен многозначности и способы его описания. *Вопросы языкознания*, 2004, 2: 20–45. [Zalizniak Anna A. The phenomenon of polysemy and ways of its description. *Voprosy Jazykoznanija*, 2004, 2: 20–45.]
- Зарубин 1960 — Зарубин И. И. *Шугнанские тексты и словарь*. М.; Л.: АН СССР, 1960. [Zarubin I. I. *Shugnanskie teksty i slovar'* [Shughni texts and dictionary]. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 1960.]
- Карамшоев 1988 — Карамшоев Д. *Шугнанско-русский словарь*. Т. 1. М.: Наука, 1988. [Karamshoev D. *Shugnansko-russkii slovar'* [Shughni-Russian dictionary]. Vol. 1. Moscow: Nauka, 1988.]
- Карамшоев 1991 — Карамшоев Д. *Шугнанско-русский словарь*. Т. 2. М.: Наука, 1991. [Karamshoev D. *Shugnansko-russkii slovar'* [Shughni-Russian dictionary]. Vol. 2. Moscow: Nauka, 1991.]
- Карамшоев 1999 — Карамшоев Д. *Шугнанско-русский словарь*. Т. 3. М.: Восточная литература, 1999. [Karamshoev D. *Shugnansko-russkii slovar'* [Shughni-Russian dictionary]. Vol. 3. Moscow: Vostochnaya literatura, 1999.]
- Круглякова 2010 — Круглякова В. А. *Семантика глаголов вращения в типологической перспективе*. Дис. ... канд. филол. наук. М.: РГГУ, 2010. [Kruglyakova V. A. *Semantika glagolov vrashcheniya v tipologicheskoi perspektive* [Semantics of verbs denoting rotation in a typological perspective]. Candidate diss. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 2010.]
- Кустова 2004 — Кустова Г. И. *Типы производных значений и механизмы языкового расширения*. М.: Языки славянской культуры, 2004. [Kustova G. I. *Tipy proizvodnykh znachenii i mekhanizmy yazykovogo rasshireniya* [Types of derived meanings and mechanisms of language extensions]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2004.]
- Майсак, Рахилина 2007 — Майсак Т. А., Рахилина Е. В. (ред.). *Глаголы движения в воде: Лексическая типология*. М.: Индрик, 2007. [Maisak T. A., Rakhilina E. V. (eds.). *Glagoly dvizheniya v vode: Leksicheskaya tipologiya* [Verbs of aqua-motion: Lexical typology]. Moscow: Indrik, 2007.]
- Падучева 2004 — Падучева Е. В. *Динамические модели в семантике лексики*. М.: Языки славянской культуры, 2004. [Paducheva E. V. *Dinamicheskie modeli v semantike leksiki* [Dynamic models in lexical semantics]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2004.]
- Падучева 2009 — Падучева Е. В. Структура события: семантические роли, аспектуальность, каузация. *Научно-техническая информация. Серия 2: Информационные процессы и системы*, 2009, 6: 38–44. [Paducheva E. V. Event structure: Semantic roles, aspectuality, causation. *Nauchno-tehnicheskaya informatsiya. Series 2: Informatsionnye protsessy i sistemy*, 2009, 6: 38–44.]
- Пахалина 1971 — Пахалина Т. Н. *Сарыкольско-русский словарь*. М.: Наука, 1971. [Pakhalina T. N. *Sarykol'sko-russkii slovar'* [Sarikoli-Russian dictionary]. Moscow: Nauka, 1971.]
- Плунгян, Рахилина 2007 — Плунгян В. А., Рахилина Е. В. К типологии глаголов «летать» и «прыгать». *Глаголы движения в воде: Лексическая типология*. Майсак Т. А., Рахилина Е. В. (ред.). М.: Индрик, 2007, 739–748. [Plungian V. A., Rakhilina E. V. Towards a typology of verbs ‘fly’ and ‘jump’. *Glagoly dvizheniya v vode: Leksicheskaya tipologiya*. Maisak T. A., Rakhilina E. V. (eds.). Moscow: Indrik, 2007, 739–748.]
- Рахилина и др. (ред.) 2020 — Рахилина Е. В., Резникова Т. И., Рыжова Д. А. (ред.). *Типология глаголов падения*. [Rakhilina E. V., Reznikova T. I., Ryzhova D. A. (eds.). *Tipologiya glagolov padeniya* [Typology of verbs of falling].] *Acta Linguistica Petropolitana*, 2020, 16(1).

- Рахилина и др. 2023 — Рахилина Е. В., Рыжова Д. А., Ардабаева М. Ш. Поле искать: шугнанские данные в свете лексической типологии. *Вопросы языкознания*, 2023, 6: 103–119. [Rakhilina E., Ryzhova D., Ardabaeva M. Semantic field SEEK: Shughni data in the light of lexical typology. *Voprosy Jazykoznanija*, 2023, 6: 103–119.]
- Резникова 2022 — Резникова Т. И. Глаголы прятания: типология систем. *Вопросы языкознания*, 2022, 4: 66–94. [Reznikova T. I. Verbs of hiding: A typology of systems. *Voprosy Jazykoznanija*, 2022, 4: 66–94.]
- Резникова и др. (ред.) 2015 — Резникова Т. И., Выренкова А. С., Орехов Б. В., Рыжова Д. А., Рахилина Е. В. (ред.). *Глаголы звуков животных: типология метафор*. М.: Языки славянской культуры, 2015. [Reznikova T. I., Vyrenkova A. S., Orekhov B. V., Ryzhova D. A., Rakhilina E. V. (eds.). *Glagoly zvukov zhyvotnykh: tipologiya metaphor* [Verbs of animal sounds: A typology of metaphors]. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2015.]
- Рыжова и др. (ред.) 2018 — Рыжова Д. А., Добрушина Н. Р., Бонч-Осмоловская А. А., Выренкова А. С., Кюсева М. В., Орехов Б. В., Резникова Т. И. (ред.). *ЕВРика! Сборник статей о поисках и находках к юбилею Е. В. Рахилиной*. М.: Лабиринт, 2018. [Ryzhova D. A., Dobrushina N. R., Bonch-Osmolovskaya A. A., Vyrenkova A. S., Kyuseva M. V., Orekhov B. V., Reznikova T. I. (eds.). *EVRika! Sbornik statej o poiskakh i nakhodkakh k yubileyu E. V. Rakhilinoj* [EVRika! A collection of papers about searching and finding on the anniversary of E. V. Rakhilina]. Moscow: Labirint, 2018.]
- Толстая 2013 — Толстая С. М. Семантическая реконструкция и лексическая типология. *Славянское языкознание. XV Международный съезд славистов. Минск, 21–27 августа 2013 г. Доклады российской делегации*. Молдован А. М., Толстая С. М. (отв. ред.). М.: Индрик, 2013, 141–160. [Tolstaya S. M. Semantic reconstruction and lexical typology. *Slavyanskoe yazykoznanie. 15th International Congress of Slavists. Minsk, 21–27 August 2013. Proceedings of the Russian delegation*. Moldovan A. M., Tolstaya S. M. (eds.). Moscow: Indrik, 2013, 141–160.]
- Холкина и др. 2018 — Холкина Л. С., Наний Л. О., Цян Сы. Семантическое поле искать-находить в китайском языке. *ЕВРика! Сборник статей о поисках и находках к юбилею Е. В. Рахилиной*. Рыжова Д. А. и др. (ред.). М.: Лабиринт, 2018, 153–183. [Kholkina L. S., Nanii L. O., Qiang Si. Semantic field SEARCH-FIND in Chinese. *EVRika! Sbornik statej o poiskakh i nakhodkakh k yubileyu E. V. Rakhilinoj*. Ryzhova D. A. et al. (eds.). Moscow: Labirint, 2018, 153–183.]
- Шапиро 2015 — Шапиро М. М. Глаголы колебательного движения в уральских языках (на материале финского, ненецкого и коми-зырянского языков): семантика и типология. *Урало-алтайские исследования*, 2015, 1(16): 29–52. [Shapiro M. M. Oscillation verbs in the Uralic languages (on the Finnish, Nenets and Komi-Zyrian data): Semantics and typology. *Ural-Altai Studies*, 2015, 1(16): 29–52.]
- Bybee, Dahl 1989 — Bybee J. L., Dahl Ö. The creation of tense and aspect systems in the languages of the world. *Studies in Language*, 1989, 13(1): 51–103.
- Croft 2009 — Croft W. The role of domains in the interpretation of metaphors and metonymies. *Cognitive Linguistics*, 2009, 4(4): 335–370.
- Croft 2012 — Croft W. *Verbs: Aspect and causal structure*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2012.
- Davidson 1967 — Davidson D. Causal relations. *The Journal of Philosophy*, 1967, 64(21): 691–703.
- Dowty 1979 — Dowty D. R. *Word meaning and Montague grammar: The semantics of verbs and times in generative semantics and in Montague's PTQ*. Dordrecht; Boston; London: D. Reidel Publ. Company, 1979.
- Edelman, Dodykhudoeva 2009 — Edelman J., Dodykhudoeva L. Shughni. *The Iranian Languages*. Windfuhr G. (ed.). London; New York: Routledge, 2009, 787–824.
- Fillmore, Atkins 1992 — Fillmore C. J., Atkins B. T. Toward a frame-based lexicon: The semantics of RISK and its neighbors. *Frames, fields, and contrasts*. Lehrer A., Kittay E. F. (eds.). New York; London: Routledge, 1992, 75–102.
- François 2008 — François A. Semantic maps and the typology of colexification: Intertwining polysemous networks across languages. *From polysemy to semantic change: Towards a typology of lexical semantic associations*. Vanhove M. (ed.). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2008, 163–215.
- Gärdenfors 2024 — Gärdenfors P. Event structure, force dynamics and verb semantics. *Language Sciences*, 2024, 102, 101610.
- Georgakopoulos, Polis 2018 — Georgakopoulos T., Polis S. The semantic map model: State of the art and future avenues for linguistic research. *Language and Linguistics Compass*, 2018, 12(2): 1–33.
- Haspelmath 2003 — Haspelmath M. The geometry of grammatical meaning: Semantic maps and cross-linguistic comparison. *The new psychology of language: Cognitive and functional approaches to language structure*. Vol. 2. Tomasello M. (ed.). Mahwah: Psychology Press, 2003, 211–242.

- Koptjevskaja-Tamm 2015 — Koptjevskaja-Tamm M. (ed.). *The linguistics of temperature*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2015.
- Koptjevskaja-Tamm et al. 2016 — Koptjevskaja-Tamm M., Rakhilina E., Vanhove M. The semantics of lexical typology. *The Routledge handbook of semantics*. Riemer N. (ed.). New York; London: Routledge, 2016, 434–454.
- Kövecses 2010 — Kövecses Z. *Metaphor: A practical introduction*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2010.
- Lakoff, Johnson 1980 — Lakoff G., Johnson M. *Metaphors we live by*. Chicago: The Univ. of Chicago Press, 1980.
- Levinson, Majid 2014 — Levinson S. C., Majid A. Differential ineffability and the senses. *Mind & Language*, 2014, 29(4): 407–427.
- Liang et al. 2024 — Liang Y., Xu K., Ran Q. Shared structure of fundamental human experience revealed by polysemy network of basic vocabularies across languages. *Scientific Reports*, 2024, 14, 5877.
- Majid 2015 — Majid A. Comparing lexicons cross-linguistically. *The Oxford handbook of the word*. Taylor J. R. (ed.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2015, 364–379.
- Majid, Bowerman 2007 — Majid A., Bowerman M. (eds.). *Cutting and breaking events: A crosslinguistic perspective*. *Cognitive Linguistics*, 2007, 18(2).
- Makarov et al. 2022 — Makarov Yu., Melenchenko M., Novokshanov D. Digital resources for the Shughni language. *Proceedings of the Workshop on Resources and Technologies for Indigenous, Endangered and Lesser-Resourced Languages in Eurasia within the 13th Language Resources and Evaluation Conference*, 2022, 61–64.
- Malt et al. 2008 — Malt B. C., Gennari S., Imai M., Ameel E., Tsuda N., Majid A. Talking about walking: Biomechanics and the language of locomotion. *Psychological Science*, 2008, 19(3): 232–240.
- Miller 1995 — Miller G. A. WordNet: A lexical database for English. *Communications of the ACM*, 1995, 38(11): 39–41.
- Newman 2002 — Newman J. (ed.). *The linguistics of sitting, standing and lying*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2002.
- Newman 2009 — Newman J. *The linguistics of eating and drinking*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2009.
- Rakhilina et al. 2017 — Rakhilina E., Merle J.-M., Kor Chahine I. *Verba sonandi: Étude de la représentation linguistique des cris d'animaux*. Aix-en-Provence: Presses Universitaires de Provence, 2017.
- Rakhilina et al. 2022a — Rakhilina E., Reznikova T., Ryzhova D. (eds.). *The typology of physical qualities*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2022.
- Rakhilina et al. 2022b — Rakhilina E., Ryzhova D., Badryzlova Y. Lexical typology and semantic maps: Perspectives and challenges. *Zeitschrift für Sprachwissenschaft*, 2022, 41(1): 231–262.
- Ramchand 2008 — Ramchand G. C. *Verb meaning and the lexicon: A first phase syntax*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2008.
- Ryzhova et al. 2024 — Ryzhova D., Rakhilina E., Reznikova T., Badryzlova Y. Lexical systems with systematic gaps: Verbs of falling. *Folia Linguistica*, 2024, 58(1): 191–226.
- Rzyski et al. 2020 — Rzyski C. et al. The database of cross-linguistic colexifications, reproducible analysis of cross-linguistic polysemies. *Scientific Data*, 2020, 7(1): 1.
- Trier 1931 — Trier J. *Der deutsche Wortschatz im Sinnbezirk des Verstandes: Von den Anfängen bis zum Beginn des 13. Jahrhunderts*. Heidelberg: Carl Winter, 1931.
- van der Auwera, Plungian 1998 — van der Auwera J., Plungian V. Modality's semantic map. *Linguistic Typology*, 1998, 2(1): 79–124.
- Viberg 2013 — Viberg Å. Posture verbs: A multilingual contrastive study. *Languages in Contrast*, 2013, 13(2): 139–169.
- Zalizniak 2018 — Zalizniak A. A. The catalogue of semantic shifts: 20 years later. *Russian Journal of Linguistics*, 2018, 22(4): 4.
- Zalizniak et al. 2012 — Zalizniak A. et al. The catalogue of semantic shifts as a database for lexical semantic typology. *Linguistics*, 2012, 50(3): 633–669.
- Zalizniak et al. 2002–2024 — Zalizniak A. et al. *Database of semantic shifts*. Moscow: Institute of Linguistics, 2002–2024. Electronic resource: <https://datsemshift.ru/>.